Е.П. Волкова, аспирантка кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: irucanji@gmail.com

ФЕНОМЕН «КУЛАКА» В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРИОДА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1928—1932): ПРИЗНАКИ, ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТИВИРОВАНИЯ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВРАЖДЕБНОГО ОБРАЗА

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать особенности формирования феномена «кулачества» на страницах советской печати периода коллективизации (1928—1932). Автор обращается к документам, проливающим свет на методы и формы подачи враждебного образа «кулака», ставит проблему выделения признаков данного понятия и на основе качественного анализа риторики трех партийных изданий изучаемого периода (газеты «Правда», журнала «Партийное строительство» и «Крестьянской газеты») выдвигает тезис о содержательной трансформации данного образа в системе пропаганды СССР.

Ключевые слова: *печать, образ, «враг народа», кулачество, трансформация.*

In article an attempt to reveal and analyze features of formation of a phenomenon of "kulachestvo" on pages of the Soviet press of the period of collectivization (1928—1932) is made from positions of system historical approach. The author addresses to the documents shedding light on methods and forms of giving of a hostile image of "kulak", puts a problem of allocation of signs of this concept and on the basis of the qualitative analysis of rhetoric of three party editions of the studied period (the newspaper "Pravda", the magazine "Partiinoe stroitelstvo" and the newspaper "Krestyanskaya gazeta") puts forward the thesis about substantial transformation of this image in system of promotion of the USSR.

Key words: *the press, the image, the enemy of the people, the kulaks, the transformation.*

Советская печать была важнейшим орудием идеологической пропаганды и агитации, средством формирования массового сознания, управления им. В целях усиления влияния на читателя пресса активно использовала образы, как позитивного характера — ударники, стахановцы, вожди, так и негативного — кулаки, шпионы, оппозиционеры, вредители, капиталисты, интервенты и т.д. Эти «отрицательные персонажи», которые советской пропагандой объединялись под собирательным понятием «враги народа», в зависимости от тех или иных целей, преследуемых партией в тот или иной момент, одновременно, или поодиночке, то выходили на первый план на страницах газет и журналов, то уходили в тень, сменяясь другими враждебными подкатегориями, но никогда не

покидали этого образного замкнутого круга «неугодных» и «отверженных» коммунистического строя.

Так, в период коллективизации, с 1928 по 1932 г., советская печать на фоне всего многообразия образов «врагов народа» выделяет «кулака» как содержательно, так и функционально. Вслед за изменением тактических и стратегических задач СССР идеология, будучи стержнем тоталитарной системы, претерпевала существенные метаморфозы, что в свою очередь влекло качественное изменение феномена «врага народа», в данном случае образа «кулачества». Понятие «кулак», или «капиталистический элемент деревни», в системе советской пропаганды периода коллективизации отличался гибкостью и практичностью, менял свое содержательное наполнение в зависимости от целей, преследуемых властью, от экономического курса, проводимого ВКП(б) (Всесоюзной Коммунистической Партией (большевиков)), и от идеологической политики советского государства.

Не подлежит сомнению руководящая роль власти в создании механизмов культивирования образа «врага народа» в деревне на страницах советской печати. Способность партии посредством «властного структурирующего слова» («властной номинации») «конструировать социальный мир, модифицируя социальное пространство», превращая «идеологических персонажей» в реальные социальные группы» [Доброноженко, 2008, с. 22] оценивается как ключевая в процессе превращения идеологемы «кулак» в реальное явление. Идеолого-политические реалии, нашедшие свое выражение в таких официальных документах и выступлениях, как речь И.В. Сталина на июльском Пленуме ЦК 1928 г., в которой был выдвинут тезис о все более возрастающей и обостряющейся классовой борьбе по мере построения социализма; постановление СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде»; речь И.В. Сталина на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., в которой был публично провозглашен переход от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса; постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», принятое Политбюро ЦК ВКП(б) 30 января 1930 г.; Приказ ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г.; статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», напечатанная в «Правде» 2 марта 1930 г., в которой осуждались перегибы коллективизации и подчеркивалась необходимость добровольности при ее проведении; постановление ЦК ВКП(б) от 10 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» и др.; партийные дискуссии по этой проблеме и оформление оппозиционного правого

блока во главе с Н.И. Бухариным и его теорией мирного врастания кулака в социализм; и, наконец, проведение самой коллективизации сельского хозяйства, — оказали огромное влияние на процесс формирования феномена и образа «кулачества» в советской прессе периода коллективизации.

Однако помимо упомянутых выше официальных постановлений и выступлений власти, решений, бывших прямым руководством к действию для советской пропаганды, важное значение имеют постановления-инструкции, рекомендации относительно того, как непосредственно должно было подавать враждебный образ «кулака» на газетном листе, в каком ключе следовало освещать ход коллективизации, в неразрывной связи с которой шло конструирование феномена «кулачества» в периодике.

В этом смысле для исследователя данной темы значимым является документ августа 1930 г.: «Из краткой инструкции-перечня по охране государственных тайн в печати для районных органов Главлита», отвечающий на конкретные вопросы о том, что можно, а чего нельзя было давать в прессу при освещении хода раскулачивания. В части первой «Политические вопросы» приводится перечень сведений, которые не подлежат публикации при освещении в печати случаев выступлений кулачества:

«1) Данные о массовых выступлениях против Советской власти и партии кулачества, если бы таковые где-либо имели место.

2) Сводные данные о количестве террористических актов кулачества (число убийств, число поджогов и др.). Отдельные факты опубликовать можно.

3) Опубликовывая информацию о тех или иных отдельных террористических актах кулачества, нужно одновременно с этим тут же указывать на те мероприятия по советской и общественной линии, которые проводятся в борьбе с кулацкими выступлениями (арест кулаков-террористов, предание их суду и т.д.).

4) Отдельные сведения об убийствах кулаками общественных работников, крестьян-колхозников должны сопровождаться классовым объяснением убийства (убийство произведено в разгаре классовой борьбы с кулаками, подкулачниками и т.д.» [Горяева, 1997, с. 284—285].

И действительно, сколько-нибудь объективной информации с опорой на статистические, точные данные, позволяющие оценить общее положение на фронте реконструкции сельского хозяйства и выявить масштабы сопротивления кулачества, в прессе найти практически невозможно. Запрещение предоставлять точную информацию о соотношении классовых сил в деревне было вызвано, по-видимому, тем, что отражение массового характера выступлений кулаков могло негативно сказаться на эффективности тезиса о победе на поприще социалистического переустройства сельского хозяйства. Если же кулачество не оказывало масштабного сопротивления советской власти, то необходимость воспитания классовой ненависти в массовом сознании к образу «кулака» отпадала сама собой, а тезис об обострении классовой борьбы — выдумка, способ снять с себя ответственность за все перегибы насильственной коллективизации.

В этом же документе можно найти любопытные требования к размещению изобразительных материалов, описывающих процесс раскулачивания:

«В печать можно пропускать:

— все рисунки и фотоснимки, изображающие использование колхозами бывших кулацких средств производства и домов для целей колхозного строительства (например: бывший дом кулака, в котором открыта школа, или бывший кулацкий инвентарь, ныне использованный колхозниками и т.п.).

В печать нельзя пропускать:

— рисунков и фотографий, изображающих самый процесс раскулачивания (например: кулак с детьми выходят из отобранного дома, или кулака под конвоем отправляют из села и т.п.» [там же, с. 285].

Рисуя картины радостного и безмятежного строительства нового мира на развалинах старого капиталистического строя в деревне, запрещалось изображать сам процесс, так как это могло пробудить вдруг в человеке чувства сострадания, сопереживания, жалости, недопустимые и предосудительные эмоциональные состояния в глазах советской власти по отношению к «врагам народа».

Для понимания механизмов культивирования феномена «врага народа» в деревне на страницах газет и журналов также интересны документы Российского государственного архива социально-политической истории, в которых содержатся материалы по вопросу формирования образа «кулачества». В частности, можно отметить выступления члена Политбюро В.М. Молотова на совещаниях работников печати по проблемам освещения крестьянского вопроса в прессе. Согласно стенограмме одного из документов 1928 г., озаглавленного как «Крестьянский вопрос и печать. Популяризация решений Пленума ЦК», В.М. Молотов с осуждением высказался по поводу «затушевывания классовой борьбы в деревне»[1]. По его мнению, освещая работу на селе, газеты, во-первых, обходили вопросы выступлений кулачества, недооценивали его роль, не разоблачали в достаточной мере кулацкие маневры, не боролись с кулацкой

[1] Крестьянский вопрос и печать. Популяризация решений Пленума ЦК. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 971. Л. 172.

агитацией; во-вторых, не подчеркивали тесную связь между необходимостью коллективизации и проблемой классовой борьбы, не осознавали классового содержания социалистического переустройства сельского хозяйства. «Надо уметь в тех или других явлениях деревенской жизни видеть скрывающиеся за ними влияния враждебных нам классовых сил и разоблачать их»[2]. Игнорирование же этих наставлений создавало на страницах газет ошибочное «представление об идилличности наших отношений в деревне»[3].

В советских газетах подобные рекомендации находили самый живой отклик: в чем только не усматривались враждебные капиталистические вылазки «кулака». Практически любая публикация, так или иначе связанная с освещением хода реконструкции сельского хозяйства, гарантировала читателю образное, живописное, яркое, вызывающее чувство негодования и ненависти обличение «врага народа» в деревне. «Изворотливость, убийства и избиения <...>, поджоги, клевета, подкупы, спаивание»[4], «мимикрия, приспособление, перекрашивание<...> под защитный цвет середняка, а то и бедноты»[5] или вовсе выпоротая кулаками деревня[6] — это только малая доля форм сопротивления «когтистых и зубастых»[7] капиталистических элементов сельскохозяйственного фронта, противостоящих советской власти в «эпопее борьбы с кулачеством, эпопее не менее героической, чем многие яркие эпизоды гражданской войны»[8].

Далее, возвращаясь к замечаниям и рекомендациям В.М. Молотова, отметим его резко отрицательное отношение к «появлению на страницах печати статей и заметок, восхваляющих политически и экономически чуждые нам слои крестьянства[9] и представляющих собой результат некритического отношения к социальным группам крестьянства»[10]. И на это пресса нашла, что ответить: начиная с 1930 г. все чаще и чаще встречаются материалы, в которых, помимо бешенно сопротивляющихся кулаков и подкулачников,

[2] Там же. Л. 184.

[3] Там же. Л. 172.

[4] Первые итоги // Правда. 1929. 28 февр.

[5] Расстановка классовых сил во втором году пятилетки // Правда. 1929. 17 нояб.

[6] Наглое выступление кулаков // Крестьянская газ. 1928. 18 сент.

[7] Расстановка классовых сил во втором году пятилетки // Правда. 1929. 17 нояб.

[8] Стальные колонны коллективизации // Правда. 1929. 5 сент.

[9] Словосочетание «политически и экономически *чуждые слои крестьянства*» несколько неожиданно по причине того, что официально лишь кулачество относили к «врагам народа» в деревне как принадлежащее к классу буржуазии, в то время как остальные слои крестьянства — и колеблющийся середняк, и батрацко-бедняцкая часть — объявлялись опорой в деле реконструкции сельского хозяйства периода коллективизации.

[10] Текущие политические и хозяйственные кампании и задачи печати. Политика партии в деревне. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 971. Л. 205.

упоминаются и «колеблющийся единоличник»[11], и середняк с его «двойственной природой»[12], и крестьянин-колхозник с его еще не вытравленной «индивидуалистической психологией»[13], и даже бедняки, которые, находясь под влиянием кулачества, становятся некими «несознательными подкулачниками»[14].

Установка советской печати на более внимательное и глубокое изучение и освещение фактов классового расслоения в деревне, на выявление разнообразных форм сопротивления и борьбы кулачества породила важнейшую, на наш взгляд, особенность процесса формирования враждебного образа «кулака» на страницах газет и журналов периода коллективизации, заключающуюся в той качественной трансформации самого феномена «капиталистического элемента деревни», которую он претерпел в период с начала 1928 и по конец 1932 г. Этот процесс проходил в двух плоскостях: с одной стороны, на уровне окончательного становления понятия как враждебного символа капиталистических элементов деревни; с другой — на уровне расширения качественных границ и потери образом признака классовости.

Начиная с 1928 г. еще недавно поощряемый нэпом кулак превращается в ненавистного «врага народа» — виновника всех неудач и перегибов в деле реконструкции сельского хозяйства. В печати мы не встретим ни одного материала не просто положительного характера о кулачестве, но и нейтрального. Частыми и обычными становятся заголовки: «Усилим наступление на кулака», «С кулаками мы не церемонимся», «Кулаков вон из коммуны», «Уничтожим кулачество как класс», «Ликвидированный кулак», «Колхозные вредители расстреляны» и т.д. и т.п.

Печатные материалы, подобные нижеприводимой статье из газеты «Правда» от 15 января 1928 г., явно контрастирующей со всей остальной массой публикаций, направленных на формирование враждебного образа «кулака» тем, что она обращается к нравственно-этической стороне проблемы, являлись уже скорее пережитком риторики прессы нэповского периода и к концу 1920-х гг. окончательно сошли на нет. В передовице газеты «Правда» приводится письмо одного беспартийного крестьянина, бывшего красноармейца: «Хотя я числюсь бедняком, но чувствую, что с каждым днем

[11] См.: *Слесарев Н.* Работу с беднотой на высшую ступень // Партийное строительство. 1930. № 18. С. 20.

[12] См.: *Нодель В.* Ликвидация кулачества как класса и работа с беднотой // Партийное строительство. 1930. № 3—4. С. 16.

[13] Там же. С.18. См. также: Задачи парторганизаций в деревне // Правда. 1931. 27 нояб.

[14] См.: *Бочачер М.* О классовой боеспособности групп бедноты // Партийное строительство. 1930. № 7—8. С. 25.

ухожу от бедноты, потому что хозяйство мое растет. У меня нет страсти к наживе. Мне стыдно, что скоро меня будут причислять к зажиточным. О зажиточных говорят, как о чужих. А я не желаю быть чужим. Я скорее вернусь опять к нищете, но буду своим <...> Мой путь, стало быть, неверен!»[15]. И далее «Правда» говорит, как следует поступать с такими людьми, «которые сознают, что путь частного накопления неверен <...> Им остается только указать другой, верный, путь <...> коллективизации»[16]. Чувство стыда, желание быть «своим» любой ценой, во что бы то ни стало, даже путем возврата к нищете, откровенное признание своей ошибки — такой образ «кулака» уже нельзя было встретить в печати после взятия властью курса на ликвидацию кулачества как класса в 1930 г.

Переходя ко второму уровню качественного изменения враждебного образа «кулака» на страницах газет и журналов, а именно к вопросу расширения его границ и постепенного выхолащивания признака классовости из этого феномена, нельзя не остановиться подробно на проблеме изначального отсутствия строго определенных критериев, характеризующих кулачество как антагонистический класс деревни. Это привело к возможности довольно широко и абстрактно трактовать понятие «кулак» как в советской печати, так и в реальности, в зависимости от целей, преследуемых властью. К кулакам «можно было отнести чуть ли не <...> любого крестьянина, если дом у него был получше, чем у соседа, корова поупитаннее, лошадь посильнее» [Доброноженко, 2008, с. 33] или если он критически высказывался в адрес ВКП(б).

О том, что эта проблема была весьма актуальной в период коллективизации и особенно после проведения властью в печать лозунга о взятии курса на ликвидацию кулачества как класса, свидетельствуют многочисленные письма крестьян в советские газеты[17]. Естественно, далеко не все критические замечания по этому вопросу находили свое выражение на печатном листе, однако, публикации касательно данной тематики все же встречались. Так, «Крестьянская газета» пишет: «необходимо ясно сказать, кого считать кулаком. <...> Подчас кулаками называют середняков, трудолюбивых хозяев. Они с любовью относятся к обработке земли, а за то,

[15] Очередная задача деревенских коммунистов // Правда. 1928. 15 янв.

[16] Там же.

[17] См., например, письма крестьян в «Крестьянскую газету»: Кто мы? Кулаки или середняки? И что нам дальше делать? // Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989. С. 118; Как назвать — кулаком или трудовиком? // Там же. С. 209; Принадлежу ли я к кулаку? // Там же. С. 227; Крестьянские вопросы. Сводка по докладу инструктора Колхозцентра СССР и РСФСР // Там же. С. 327.

что у них урожай лучше, а потому и живется исправно, то из зависти приравнивают таких крестьян к кулаку»[18]. Как бы в продолжение разговора автор другого письма из деревни делит бедняков на «три сорта мусорной травы: первый сорт — это горькие пьяницы, а второй сорт настоящий лентяй, да хулиган»[19]. Бедняк «спит сутками, <...> живет как у бога за пазухой, его и в газетах не забывают, да и все продналоги прощают». А «труженик мужик, <...> который встает с раннего утра и до поздней ночи не пивши, не евши работает без отдыха <...>, называется по-советски настоящий кулак»[20]. Но в печати разъяснения так и не последовало — четко очерченные границы понятия «кулачества» преднамеренно не устанавливались, это было не выгодно власти.

Проблема выделения признаков феномена «кулачества» как в реальности, так и на страницах советской печати, остается одной из наиболее дискуссионных в современной отечественной и зарубежной историографии. С одной стороны, ряд исследователей [Тепцов, 1990; Коллективизация, с. 3—62] приходят к заключению, что *«кулачества» как «класса»* крупной сельской буржуазии к концу 1920-х гг. в деревне *не существовало* и правомернее говорить о «слое» крестьян-кулаков. Вот почему лозунг «ликвидации кулачества как класса», брошенный советской печатью в массы в начале 1930 г., по мнению ученого-экономиста В.А. Тихонова, является надуманным и был выдвинут с целью уничтожения вообще крестьянства [Коллективизация, с. 29] как класса мелких товарных производителей. Этой же точки зрения придерживается исследователь экономической и политической истории России XX в. Н.В. Тепцов, согласно которому «в массовое сознание усиленно внедрялась мысль о мелкобуржуазности класса крестьян, живучести его частнособственнических инстинктов» и параллельно властью «проводилась политика раскола крестьян на враждебные слои» [Тепцов, 1990, с. 58], а также видный советский экономист первой трети XX в. Н.Д. Кондратьев: «Классов в деревне не существует, понятие кулака и среднего хозяина в высшей степени относительно»[21].

Попытка выделить признаки несуществующего в природе, но существующего в советской пропаганде, явления представляется весьма затруднительной, однако, властью она была предпринята,

[18] Деревня обсуждает проект союзного земельного закона. Кого считать кулаком // Крестьянская газ. 1928. 28 авг.

[19] Политическая сводка по письмам крестьян, адресованным в редакцию газеты «Крестьянская Правда» и журнала «Красная Деревня» за время с 1 марта по 1 июня 1928 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 6.

[20] Там же. Л. 6—7.

[21] Цит. по: *Левитский В.* Программа правого уклона (Возрождение. 1929. 12 февр.) // Сводки белоэмигрантской прессы № 1—21, составленные Информационным отделом ЦК ВКП(б). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 356. Л. 22.

а об успешности ее реализации можно судить по масштабным пропагандистским кампаниям и непрекращающейся репрессивной политике в деревне на протяжении конца 1920-х и в 1930-е гг.

С другой стороны, ряд зарубежных и российских экспертов [Виола, 2010; Фицпартрик, 2001; Климин, 2010; Коллективизация, с. 3—62] отмечают изначальное *отсутствие четко обозначенных критериев*, по которым можно было бы строго выделить кулака из всей остальной массы крестьянства. В «крестовом походе» против кулачества «Сталин и его ближайшие подвижники даже не назвали, из каких объективных социально-экономических критериев они исходили при классификации кулака» [Климин, 2010, с. 40].

Действительно, советской властью в постановлении СНК СССР от 21 мая 1929 «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде» была предпринята попытка через социально-экономическую, скорее даже имущественную, составляющую, через отношение к частной собственности и средствам производства законодательно определить критерии дефиниции термина «кулак». Среди определяющих явление признаков называются: использование наемного труда; систематическая сдача в наем помещений, предприятий или сложных сельскохозяйственных машин; «наличие мельницы, маслобойни <...> или другого промышленного предприятия — при условии применения в этих предприятиях механического двигателя»; а также ведение торговли, занятие ростовщичеством или коммерческим посредничеством [Данилов, Ивницкий, 1989, с. 221—222].

Вполне укладываясь в рамки советского понимания сущности кулачества, прозвучали слова члена Политбюро, председателя ЦИК СССР М.И. Калинина в беседе с колхозниками одного из районов ЦЧО в 1930 г., в котором применение наёмного труда расценивается в качестве основного признака превращения крепкого крестьянского хозяйства в кулацкое: «Если вы, например, <...> даже богатый крестьянин, но работаете один, то мы вас числим середняком. Если вы взяли и наняли одного рабочего, то из середняка ты уже переходишь в кулака. <...> наняли одного рабочего, мы вас уже считаем врагом, вы уже перешли в разряд капиталистов» [Трифонов, 1975, с. 245].

Однако, на наш взгляд, вышеперечисленные критерии представляются произвольными, научно необоснованными — «не брались вместе имущественные, демографические и социальные факторы, они не рассматривались в комплексе» [Климин, 2010, с. 42]. Более того, как справедливо задается вопросом проф. В.А. Тихонов, «Разве можно было найти хотя бы одно хозяйство в России, которое невозможно было бы подвести под один из этих признаков?» [Коллективизация, с. 28].

Проблему весьма широкого и абстрактного толкования понятия «кулачества» затрагивала и эмигрантская пресса. Так, журнал социал-демократов «Социалистический вестник», издававшийся за границей, в № 3 от 9 февраля 1929 г. отмечал, что «большевистская классификация — чрезвычайно расплывчатая и произвольная. При общем низком уровне развития русского сельского хозяйства все то, что над ним несколько возвышается, относится советской властью к группе “кулаков” <...> к этой категории причисляются и средние группы, зажиточные крестьяне <...> Мало того. При царящем на местах административном произволе всякий неугодный совету более или менее состоятельный крестьянин зачисляется им в эту группу»[22].

Последняя фраза заслуживает особого внимания, правда, с некоторой поправкой: не «всякий неугодный <...> состоятельный крестьянин», а вообще любой житель деревни, будь то зажиточный, середняк, бедняк или батрак, враждебно настроенный по отношению к советской власти, объявлялся кулаком. Партия рассматривала его «скорее идеологической категорией, чем социально-политической», пыталась переложить на него все экономические неудачи, превратив «из экономической категории <...> в политического «козла отпущения» [Климин, 1996, с. 41].

Так, в постановлении «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», принятом Политбюро ЦК ВКП(б) 30 января 1930 г. уже с опорой на политическую составляющую, акцентируется внимание не на социально-экономическом признаке, а на отношении крестьян к проводимой в деревне политике, на потенциальной угрозе, которую они могут представлять для власти. В этом приказе кулачество поделено на три части:

«а) первая категория — контрреволюционный кулацкий актив» [Трагедия советской деревни, т. 2, с. 126], организаторы террористических актов и выступлений, которые немедленно должны быть заключены в концлагеря и по отношению к которым можно прибегнуть к применению высшей меры репрессии. Более подробно элементы этой группы расписаны в Приказе ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г.: «наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти <...>; активные белогвардейцы, повстанцы, бывшие бандиты <...> проявляющие сейчас контрреволюционную активность; активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп <...>; наиболее богатые, ростовщики, спекулянты,

[22] *Доманевская О.* Советские выборы и борьба классов (Социалистический вестник. 1929. № 3) // Сводки белоэмигрантской прессы № 1—21, составленные Информационным отделом ЦК ВКП(б). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 356. Л. 32.

<...> бывшие помещики и крупные земельные собственники» [там же, с. 163], т.е. все без исключения антисоветские капиталистические элементы деревни, активно проявляющие свои позиции;

«б) вторую категорию должны составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков» [там же, с. 126], которые подлежат высылке на наиболее удаленные территории;

в) третью категорию составляют «кулаки», которые остаются в пределах района, но расселяются за пределы колхозных хозяйств.

Совершенно очевидно, что в сравнении с вышеприведенным постановлением от 21 мая 1929 г. здесь акцент перемещен с социально-экономических признаков в сторону политической составляющей феномена кулачества. По справедливому замечанию зарубежного исследователя Л. Виолы, формируемое в массовом сознании «представление о кулаке относилось скорее к сфере демонологии, а не классового анализа» [Виола, 2010, с. 49]. Социально-политический статус кулачества более не имел значения [Фицпартрик, 2001, с. 92], и даже после раскулачивания кулак оставался таковым в силу своей природы.

Отсутствие четко сформулированных признаков понятия «кулачество» привело к тому, что «на деле статус кулака всегда зависел от мнения оценивающего, которому могло показаться, что тот или иной крестьянин слишком богат или настроен антисоветски» [Виола, 2010, с. 49]. Как следствие, в эту враждебную категорию могли попасть, согласно тактическим и стратегическим задачам партии, вообще любые слои крестьянского населения безотносительно к их принадлежности классу буржуазии: и середняки, и батрацко-бедняцкая часть деревни, и даже колхозники. Возможность столь свободной трактовки не могла не сказаться на особенностях формирования враждебного образа «кулака» на страницах советской печати периода коллективизации, спровоцировав качественные трансформации самого феномена, о которых речь пойдет ниже.

Риторике советской прессы ближе к концу первой пятилетки в манере подачи враждебного образа «кулачества» все более свойственно расширение самого понятия и потеря им классовой доминанты как определяющей: термин «все больше терял социально-экономическое значение, <...> под него подгонялись все крестьяне, недовольные проводившейся политикой» [Доброноженко, 2008, с. 35]. Предостережение от этой опасности, по словам журнала «Партийное строительство», было «особенно излюбленным положением кулацкой агитации» — «после нас доберутся до бедняка и середняка»[23]. Проследим подробнее развитие этого процесса на страницах печати.

[23] См.: *Богачев И.* Мобилизовать массы на борьбу за хлеб // Партийное строительство. 1930. № 18. С. 42.

К возможности шире и свободнее трактовать понятие «кулацко-капиталистические элементы деревни» все более прибегают с введением термина «подкулачник» в практику советской пропаганды в конце 1920-х гг.: газеты и журналы писали о необходимости мобилизовать массы батрацко-бедняцкой и середняцкой части крестьянства уже не только против кулаков, но и против «подкулачников»[24].

В 1930 г. в советской прессе образ «врага народа» в деревне включает в себя уже не только «кулака» и «подкулачника», но и попавшую под враждебное кулацкое влияние середняцко-бедняцкую часть крестьянства, которая в свою очередь распадается на два антагонистических лагеря «середняков» и «бедняков»: «Середняки должны убедиться, что группы бедноты не занимаются крохоборничеством, а действительно являются авангардом колхозного движения. Группы бедноты всегда должны помнить о мелкособственнической природе середняка, <...> о необходимости всегда осматриваться на этого отстающего “соседа”, <...> группы бедноты <...> не должны стирать классовых граней между беднотой, батрачеством и середнячеством, граней, которые не исчезнут и с вхождением всех этих групп в колхоз»[25].

Однако именно в связи с причислением некоторой части колхозников к разряду «врагов народа» в деревне мы можем с уверенностью утверждать о полной потере образом своей классовой составляющей, о качественном переходе, тотальной трансформации, которую претерпел феномен в печати начала 1930-х гг. Ведь если изначально определяющим критерием кулацко-капиталистического слоя деревни являлась его принадлежность к классу буржуазии, то колхозника никак нельзя причислить к эксплуататорской части крестьянства. К концу первой пятилетки все очевиднее выделялся новый фронт классовой борьбы в деревне — внутри колхозов. «Сила сопротивления классового врага, остатков кулачества базируется сегодня на еще далеко не изжитых в колхозной массе мелкособственнических инстинктах, мелкобуржуазной распущенности <...> “Дело идет <...> о борьбе между членами колхозов, из коих одни не освободились еще от индивидуалистических и кулацких пережитков, <...> а другие желают изгнать из колхозов эти пережитки и это неравенство”»[26]. Объявление части колхозников «врагами», кулацкой агентурой, «вчерашними единоличниками»[27],

[24] Мобилизуем все силы на хлебзаготовки // Правда. 1929. 3 окт.

[25] *Бочачер М.* О классовой боеспособности групп бедноты // Партийное строительство. 1930. № 7—8. С. 24.

[26] Победа всемирно исторического значения // Правда. 1932. 27 дек.

[27] *Постышев П.* К новым боям за победу социализма // Партийное строительство. 1932. № 21. С.3.

которые никак не могут изжить в себе «мелкособственнические, рваческие и потребительские настроения»[28], а также «мелкобуржуазные предрассудки и <...> привычки»[29], становится отличительной чертой подачи образа «врага народа» в деревне в советской прессе начиная с середины 1931 г.

Согласно риторике газет и журналов основная проблема коллективизации на данном этапе заключалась в «чрезмерной идеализации колхозов»[30], в притуплении классовой бдительности: большая ошибка — «забвение того, что в колхозах еще есть элементы классовой борьбы, что переделка крестьянина-собственника в колхозе только начинается», а «недооценка индивидуалистических пережитков, имеющихся в колхозах, является орудием оппортунистического непонимания». Классовый антагонизм в деревне выводился на качественно новый уровень и принял вид «упорной борьбы за социалистическую переделку масс бедняцко-середняцкого крестьянства, за социалистическое перевоспитание десятков миллионов колхозников»[31].

Так, враждебный образ «кулака» на страницах советской печати периода коллективизации, с одной стороны, окончательно переходит из разряда если не позитивных, то, по крайней мере, нейтральных в категорию негативных; с другой — расширяет свои качественные границы и за счет этого теряет классовую доминанту: к концу первой пятилетки образ «кулацко-капиталистического элемента» в риторике советской прессы включал в себя уже не только кулаков и подкулачников как принадлежащих классу буржуазии, но и попавших под их влияние середняков, бедняков и колхозников. Какова цель процесса качественной трансформации изучаемого феномена? Вероятно, помимо стремления власти полностью уничтожить частную собственность в стране коммунистического строя и согнать крестьян в коллективные объединения, намерения изъять из сельского хозяйства средства для ускоренной индустриализации страны и желания уничтожить последний оплот капитализма в деревне, следует назвать и психологическую цель: породить «атмосферу раскола и противостояния в деревне» [Доброноженко, 2008, с. 465], обратить социум «в аморфное, бесструктурное состояние» [Давыдов, 1989, с. 58], лишив его членов возможности самоидентификации, «создать атомизированное общество, <...> совершенно разрозненное единообразие которого есть одно

[28] По-большевистски осуществим решения октябрьского пленума ЦК // Правда. 1931. 12 нояб.

[29] Массовая работа на нынешнем этапе // Правда. 1931. 21 нояб.

[30] Здесь и далее: Боевые вопросы сегодняшнего дня (К итогам октябрьского пленума ЦК) // Партийное строительство. 1931. № 22. С. 10.

[31] Построим социализм во второй пятилетке // Правда. 1932. 30 янв.

из первостепенных условий для торжества тоталитаризма» [Арендт, 1996, с. 428].

Заключая наше краткое рассмотрение некоторых особенностей формирования феномена «кулака» на страницах советских газет и журналов, нельзя не отметить то решающее значение, которое имели образные средств языка в процессе культивирования враждебного образа «кулачества». Раз уж нецелесообразно было апеллировать к логике народа, к его разуму, то остаются чувства — именно эмоциональная составляющая играла значительную роль в конструировании образа «врага народа», и не только кулачества, но и любого другого неугодного антисоветского элемента, и не последнее место среди других средств воздействия отводилось эмоционально-экспрессивному языку.

Метафора — «кулацкая сердцевина»[32], «кулацкие охвостья»[33], оттачивающие свой «язык-жало»; синекдоха — «кулацкая вредительская рука»[34]; сравнение — «крепко, как старый пень, сидит <...> кулак»[35]; эпитеты — «злостная агитация»[36] «озверелого»[37] кулачества, этой «свирепой, жестокой кулацко-эксплуататорской банды»[38], — которые постепенно становятся речевыми штампами; фразеологический оборот — кулаки действуют «тихой сапой»[39], любят «пустить пыль в глаза»[40] и пытаются «ставить нам палки в колеса»[41]; лексика различной стилистической окрашенности — «лодыри (разг. стиль. — *В.Е.*), <...> рвачи (разг. сниж. — *В.Е.*)»[42] или «кулацкие недобитки»[43] (прост. презр.); императивные (побудительные) формы как выражение агитационности и лозунговости (см. примеры заголовков статей, приведенные выше), — эти и другие экспрессивно-выразительные средства языка широко использовались в печатных материалах как изданий, адресованных пере-

[32] *Меерзон Ж.* Партийное строительство и борьба на два фронта // Партийное строительство. 1930. № 21. С. 9.

[33] Никакой пощады нашим врагам // Правда. 1933. 15 марта.

[34] *Андреев Н.* Зорко следите за кулаками // Крестьянская газ. 1928. 4 сент.

[35] Для борьбы с кулаком лучшее средство — крестком // Крестьянская газ. 1927. 1 марта.

[36] Усилим наступление на кулака! // Правда. 1928. 16 нояб.

[37] *Богачев И.* Мобилизовать массы на борьбу за хлеб // Партийное строительство. 1930. № 18. С. 42.

[38] *Ливянт З.* Когда извращаются лозунги партии // Партийное строительство. 1930. № 5. С. 17.

[39] Стальные колонны коллективизации // Правда. 1929. 5 сент.

[40] Для борьбы с кулаком лучшее средство — крестком // Крестьянская газ. 1927. 1 марта.

[41] *Андреев Н.* Зорко следите за кулаками // Крестьянская газ. 1928. 4 сент.

[42] *Тодрес В.* Организовать колхозный актив // Партийное строительство. 1932. № 22. С. 34.

[43] На решительную борьбу с остатками кулачества и его агентурой // Правда. 1932. 8 дек.

довому авангарду советского общества, так и рассчитанных на необразованного читателя, что способствовало созданию большей образности и символичности феномена «врага народа» в деревне в системе советской пропаганды периода коллективизации.

Итак, подводя итог всему вышесказанному, отметим, во-первых, неразрывную связь между формируемым феноменом «кулачества» в советской печати периода коллективизации и теми целями и задачами, которые преследовала власть; во-вторых, сам образ «кулака», его признаки и границы, выделенные нами на основе материалов, носящих официальный характер и через печатные публикации, неопределенны, условны и размыты, что позволяет говорить о «кулаке» скорее как о «властной номинации», чем как о реальном явлении; в-третьих, если в начале 1928 г. основным определяющим признаком капиталистического элемента деревни была классовая доминанта: кулачество относили к классу буржуазии, выделяли в отдельный противостоящий остальному крестьянству слой деревенских эксплуататоров, то к моменту завершения коллективизации понятие «врага народа» в деревне качественно расширилось: все чаще и чаще на страницах изданий встречался образ попавшего под разлагающее кулацкое влияние середняка, который еще не изжил свои мелкособственнические предрассудки, или образ колеблющегося колхозника, которому также присуща мелкобуржуазная психология, т.е. данный феномен вовсе потерял свое классовое наполнение; и, наконец, с целью усиления воздействия на сознание читателя, обращения к его эмоциям, а не к разуму, советская печать активно использовала богатые образные средства русского языка.

Список литературы

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.

Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура сталинского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010.

Два взгляда на одну проблему. *Давыдов Ю.* Тоталитаризм и бюрократия; *Марков В.* Как тебя называть, Отечество? // Политическое образование. 1989. № 16.

Доброноженко Г.Ф. Кулак как объект социальной политики в 20-е — первой половине 30-х годов XX века. СПб.: Наука, 2008.

Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1932 годы. Сб. документов / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989.

История советской политической цензуры. Документы и комментарии / Отв. сост. Т.М. Горяева. М.: РОССПЭН, 1997.

Климин И. И. Российское крестьянство накануне «великого перелома» (1928—1929 гг.). СПб.: ВВМ, 2010.

Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» (участвовали: В.А. Тихонов, Р.Х. Аминова, М.А. Вылцан, Н.Я. Гущин, В.П. Данилов, И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, Е.Н. Осколков, В.М. Селунская, Ю.А. Мошков, Ю.Д. Черниченко) // История СССР. 1989. № 3.

Тепцов Н.В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20—30-х годов. М.: Знание, 1990.

Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М.: Политиздат, 1975.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: В 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999—2006. Т. 1. 1999.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: В 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999—2006. Т. 2. 2000.

Фицпартрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001.

Поступила в редакцию
07.12.2012